

Дифференциация *текста* и *дискурса* с позиций современной лингвистической теории

А.Н. Безруков,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры филологии

Башкирского государственного университета

Бирский филиал,

г. Бирск

E-Mail: in_text@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена дифференциации терминов «текст» и «дискурс». Определены основные дистанционные черты использования данных категориальных понятий. Дискурс позиционируется процессом формирования и становления текста. Текст мыслится корпусом фиксации коммуникативного диалога.

Ключевые слова: письмо, текст, дискурс, язык, стиль, интертекст, онтология дискурса, метадискурс.

Лингвистика текста на современном этапе стремится концептуально рассматривать категории *текста* и *дискурса* в условиях коммуникативного диалога. Традиционный взгляд на указанные категории с течением времени меняется, приобретает новый аспект толкования. Следует признать, что и текст, и дискурс имеют диалогическую природу внутренней организации. Диалог, как взаимодействие говорящего/ слушающего, пишущего/читающего создаёт особые условия, влияющие на объективную реализацию коммуникативного звена.

Теория дискурса, несмотря на некую условность, во множестве пониманий и истолкований, является одним из активно развивающихся направлений современной лингвистики и учения о тексте. Данный вектор стремится к совмещению накопленных знаний, исследовательских результатов, полученных как экспериментальным, так и концептуально-научным путём. Существование достаточно большого количества школ и частных исследований дискурса (П. Анри, Ж. Гийому, А.-Ж. Греймас, Т.А. ван Дейк, П. Серию, М. Фуко, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, А.В. Олянич, Ю.С. Степанов и др.) позволяет говорить о том, что все усилия направлены на изучение не столько абстрактной системы языка, сколько на изучение

речи, работающей в условиях её создания. В лингвостилистическом аспекте в дискурсе выделяются регистры коммуникации, разграничиваются речь устная и её знаковое выражение, определяются разновидности жанровых форм, обозначаются функциональные параметры.

Онтологическая сущность дискурсивной практики многоаспектна. Ученые обращали внимание на такие понятия как диалог, языковой факт, социокультурная среда, след памяти, архив-фон, оппозиция *текст* – *дискурс*, функциональный момент, коммуникативная цепь, событийная парадигма. «Дискурс в своем разворачивании и несмотря на присущий ему линейный, подобный некоей последовательности определений, а по этой причине креативный, характер, представляется синтаксической иерархией» [Греймас 2004: 99], это семиотический процесс, реализующийся в различных видах текстовых практик. Дискурс характеризуется сцеплением комбинаций смысла в условиях трансформации диспозиций текста. Это и воплощенная в слове человеческая мысль, и познание, и даже иное бытие духа, «дискурс – это не жизнь, у него иное время, нежели у нас» [Фуко 2004: 207].

Лингвисты воспринимают дискурс как «подчеркнуто интерактивный способ речевого взаимодействия, в противовес тексту, обычно принадлежащему одному автору, что сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией диалог vs монолог» [Макаров 2003: 88]. Ситуация диалога, на наш взгляд, является более динамичной и логически верной для осознания процессуальности дискурса. Воспринимаемая реальность текста становится для субъекта речи полем совмещения и сближения полярных точек. Множественность их комбинаций раскрывает потенциальную картину формирования смысловой парадигмы.

Позиционной отправной точкой анализа дискурса, в нашем понимании, становится не его система координат (пространство), но его детальная реализация (время). Смысловой масштаб данной модели безграничен. Систематизация форм – это лишь «предзавершающие» [Фуко 2004: 78] закономерности, конституирующие место системы в видах её вариаций. Синтез многочисленных отношений – и есть ткань текста, что по своей природе близко дискурсу. Отношения связей, «смещение уровня смысла в биполярную область обретает бытие. Утверждение двух и более смысловых интенций укрепляет положение, как текстовой плоскости, так и смысло-сферы» [Безруков 2015: 51]. Преддискурсивные точки отсчета определяют воспринимающее сознание или совокупность репрезентаций, а также обозначают уровни дискурса и правила *co*-существующих единичных практик.

Дискурс структурируется знаковой системой, языком. В трудах исследователей язык понимается своеобразной мерой всех вещей, он

представляется не только особенностью того или иного текста, но и характеризуется своеобразным способом мышления, а связное мышление человека отождествляется с инвариантом письменного текста. Языковое высказывание подменяет собой саму реальность («вне текста нет ничего»). Поэтому вся человеческая культура/опыт становится определённой суммой текстов, т.е. *интертекстом*; сознание видится как текст, бессознательное как текст, «Я» как текст, – текст, который можно прочесть по соответствующим правилам грамматики, специфичным, разумеется, но построенным по аналогии с грамматикой естественного языка [Ильин 1996]. В результате подобных исследований картина мира стала восприниматься как текст/интертекст.

Интертекстуальность – это феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего. Как отмечает Х.-Г. Гадамер, «всё сказанное обладает истиной не просто в себе самой, но указывает на уже и ещё не сказанное... И только когда не-сказанное совмещается со сказанным, всё высказывание становится понятным» [Постмодернизм 2001: 333]. Одним из свойств интертекстуальности является то, что она способствует созданию двойственности знака, то есть он одновременно принадлежит и новому тексту, и ранее созданному [Арнольд 1999: 376]. Понятие интертекстуальности стало общеупотребительным в текстологической теории постмодернизма, допускающей, что взаимодействие текста со знаковым фоном выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования. По оценке Р. Барта, «основу текста составляет ... его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки» [Барт 1994: 428], текст – как в процессе письма, так и в процессе чтения – «есть воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов» [Барт 1994: 428]. А смысл возникает в результате связывания между собой семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда.

Интертекстуальным можно назвать текст, «смещенный во времени и пространстве, с явной децентрацией и ориентировкой на источник, имеющий означаемое, конкретное для той ситуации, в которой он себя проявляет, имеющий в своей основе огромный культурно-исторический пласт означаемых, но открывающий их только в процессе письма/чтения. Такой текст (*интертекст*) синтезировал в себя все, что может подразумеваться, подразумевается, и то, что уже имело место быть. Формируясь в процессе жизни/развития, он регулярно приобретает все новые и новые элементы искусства-жизни, перерабатывая их в сознании/мышлении читателя/ реципиента. Интертекстуальность живет именно там, где есть переход, кризис, так как для существования ей необходимо

именно изменение, внутренняя семантико-семиотическая трансформация» [Безруков 2005: 34-35]. Как категория открытости, интертекстуальность охватывает качественно различные стратегии содержательного и формального соотнесения собственно литературного текста с другими культурными текстами. «Диалогическое слово вбирает в себя чужие реплики и их интенции, напряженно их перерабатывая» [Бахтин 2000: 91-92]. Семантика диалогического слова совершенно особая. М.М. Бахтин отмечал, что в структуре слова происходят специфические изменения, делая его внутренне событийным и освещая самый предмет слова по-другому, раскрывая в нём новые стороны, недоступные монологическому слову.

Для Ю. Кристевой письмо представляется диалогом с самим собой, формой авторского дистанцирования, процессом чтения другого письма. По ее мнению, диалогические отношения создают множественное текстуальное пространство, в котором поэтическое означаемое отсылает к иным дискурсивным означаемым, «диалогизм переносит философские проблемы внутрь языка, точнее, – внутрь языка, понятого как взаимоотношенность текстов, как письмо-чтение...» [Кристева 2004: 191].

Ю. Кристева рассматривает литературное слово не как смысловую точку, а как диалог различных видов письма – письма писателя, письма получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим контекстом. У Р. Барта встречаем: «тексту присуща множественность ... множественность неустранимая, а не просто допустимая ... Множественность текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан» [Барт 1994: 417-418]. Интертекстуальный характер текста Барт понимал не в его межтекстовом происхождении, а в процессуальности. В данной ситуации «играет сам текст..., и читатель тоже играет...; он играет в Текст» [Барт 1994: 421]. Вся текстовая среда интерпретируется как непредсказуемая, готовая породить в ходе действий реципиента новые версии смыслов. Конституирование финального смысла невозможно, он оказывается продуктом дискурса.

Функционирование интертекста – есть разрешение одних противоречий и созидание других, «понимание, таким образом, сопровождается возникновением тайны» [Ямпольский 1993: 90]. *Пред-*понимание, ощущаемое читательским сознанием, накладывает свой творческий отпечаток. Видимая конструкция, теряя часть логического, ускользает в поле литературных явлений. «Форма соблазняет, когда нет больше сил понимать силу изнутри ее самой, то есть творить» [Деррида 2007: 13].

Текстовое множество корректирует движение мысли в тотальном движении как истории, так и бытия. Диалог как реальность сущест-

ования литературного творчества социален/а-социален, априорно объясним: внешне ищет амбивалентный выход в пространство вечности, упорядочен или лишён строгой иерархии, вариативно обязательно подчеркивает индивидуальность, остаётся неидентифицированной тайной. Выход из круга бесконечных ссылок невозможен по определению, да и этого не должно происходить, т.к. решающим становится коммуникативный смысл, совместимый с понятием симметрия/ асимметрия. Условно-мыслимое изображение, которое видит читатель на основе текста, дуалистично: это и собственно изображение, и фон (выразительная форма). Идеалистичность кадра, следовательно, смешивается с множеством вариантов поля произведения. Деструктурная коллизия, анти-норма и будут условием интертекстуальной игры. Система/структура, принцип/условие, функция/случай, граница/объем уже не являются обязательными, поэтому следует говорить о модальности референционной планки высказывания. Акт коммуникативного реагирования будет вызовом традиционным нормам и правилам чтения. Сложность аспекта коммуникации не в непостижимости бытийной цели, а в адекватной реакции на переживания событийного уровня, фактов текста. Ситуативное переживание как норма редуцирует множественность текстовых взаимоналожений, расширяет функционирующее целое. Власть текстовой продуктивности предполагает работу не творца, но скриптора, не читателя, но реципиента. Текст, прорываясь на уровень дискурса, в зависимости от типа используемых отношений и ряда интертекстуальных функций преодолевает редуцированное фоническое мерцание, структурируется и постигает ряд видимых смысловых этапов дальнейшего существования.

Письмо, как правило, не исходное понятие или форма, а функция, это временное становление языка, его новых, контекстных значений. Следует уточнить, контекст как внетекстовая реальность выступает системой метасмыслов, актуальных для дискурсанта. Контекст является принадлежностью субъекта дискурса, он по определению субъективен, находится в постоянном процессе становления и развития; он не может рассматриваться как явление застывшее, раз и навсегда созданное приложение к тексту. С каждым очередным включением уже известного текста в текст мировой культуры происходит генерация новых смыслов, на основе которых корректируются старые значения-представления или происходит их замена на другие. Поэтому контекст есть важнейшая составляющая внетекстовых структур.

Текст состоит из подвижных фрагментов, которые вне его не имеют определённого значения. В *структуре текста* элементы являются значимыми, изменение/совмещение этих частей/единиц образует как статусность элемента в контексте, так и означаемость фрагмента во всей струк-

туре. Данные характеристики приобретаются лишь в границах текста, что отделяет их от других актуальных единиц речи. Текстовые фрагменты представляют собой определённый класс, парадигму. Производные текстовые операторы – оценка, номинация, этимология, расширительное словоупотребление, перечисление, смысловая вертушка, подделка, соединяясь между собой, выполняя ряд речевых движений, создают структурно-цельный массив.

Конструирование текста происходит как прямолинейно, так и зигзагообразно. Зигзагообразная парадигма характеризуется понятным ходом развития, рецессией, антитезисом, энергией самоотрицания, движения туда/обратно; прямолинейная – обогащением, наращиванием, утверждением той или иной мысли. Разноплановый характер существования произведения делает его открытым, имеющим множественно смысловых уровней. Вхождение в интертекст культурных следов, созидание текста внутри себя формирует смыслотворческую активность читателя/реципиента.

Диалог текстов создает ситуацию семантического *интердискурса*, наполненного комбинаторной возможностью языка. При такой постановке проблемы подчеркивается амбивалентность текста, в котором повествующий выполняет важную роль – становится создателем полифункциональной модели. В то же время, текст, являясь промежуточной стадией дискурса, видится уже не как объективная данность, а как трансвербальная инстанция. Следовательно, являет собой концептуальную форму с явной смысловой идентификацией и потенциальным спектром смыслов.

С позиции диалога систему – *текст ↔ дискурс* – можно дифференцировать следующим образом: текст – структура, продукт, данность; дискурс – функция, динамическое образование. Процесс создания текста-реальности и дискурс-практики возможен только при наличии движения в пространстве художественного творчества. Акт коммуникации анонсирует свободу как форму выбора. Текст-объект, в отличие от дискурса, замкнутая в себе, лишённая общего перераспределения смыслов форма. Ограничение свобод обязательно в условиях существования текста-факта. Дискурсивная же практика обладает объёмом, где цельность расширяется до уровня сферы, и, в свою очередь, наполняется новыми значениями.

Сфера смыслов не может быть декодирована только лишь анализом наличной структуры текста. Трансформация происходит через установление глобальной связности с вариантами вербальных форм. Имманентный характер текста ориентирует реципиента на особый свод правил его восприятия. Высказывание объединяет всех субъектов в бесконечное поле дискурсивных инстанций. Графически это можно представить в виде следующей схемы (Рис. 1).

Рис. 1

Следовательно, имеет место функциональный аспект, т.е. движение внутри/вне поля. Эффект мерцания смысла в тексте возможен лишь в процессе игры-действия. Дискурс как событийный ряд – сложно-параметрический, нелинейный – сфера, именно поэтому организация процесса создания дискурсивной ситуации зависит от хроникальной разверстки и ядра отсылок ко времени собственной речи автора: «...дискурс, при всей своей материальной линейности, обязан как бы идти вглубь исторического времени: это можно назвать зигзагообразной или зубчатой историей» [Барт 2004: 429]. Автор не столько дублирует время, сколько ориентирует на проекцию развертывания цепи *со-бытий*, привлекая тем самым воспринимающего к *со-участию*. Текстовое пространство, наделенное самодостаточными флективными единицами, лишается в процессе создания условного *субъекта*, либо *субъект* сам растворяется в нем, дискурс создается сам в себе. Таким образом, процесс субъективации достаточно органично сменяется процессом объективации. Такой ракурс видения влияет и на смысловой уровень текста.

Существование «семантического шума» [Квадратура смысла 2002: 145] и множественности позиций чтения означает проявление разрыва внутренне цельного мира значений и объема его языковых номинаций: «Благодаря этому осуществляется децентрирование дискурса, возникает явление полистилистики. Язык произведения утрачивает тоталитарность, преломляет представление о неоднозначности, множественности истины» [Скоропанова 2001: 102]. Дискурс в качестве проекции сообщений в силу внутренней самоорганизации зациклен на значении. Метасемный

статус характеризуется переходом от знака к символу/мысли, от трансцендентного к имманентному, от топической дисперсии к Логосу-вспышке. Приближение к центру Логоса затруднено сферически. Реципиент, воспринимая пространство знака, попадает под влияние трех равновеликих граней – текст, факт дискурса и область его организации. Именно *со-присутствуя*, они создают новую форму, наделенную смыслами. Читатель, приобщаясь к поливариантности прочтений, должен признать дискурсивный феномен. Восприятие дискурсивной практики возможно, следовательно, при учёте консолидации всех позиций в сознании читателя, умении последнего проникнуть в суть смыслотворчества.

Анализ дискурса предполагает не столько наблюдение за налично-знаковой и структурно-организованной схемой, сколько идентификацию процесса моделирования. Соотношение текста и дискурса можно также провести через промежуточную фазу – *стиль*. Параметрически это выглядит следующим образом (Табл. 1).

Табл. 1

ЯЗЫК / ТЕКСТ	СТИЛЬ	ДИСКУРС
<i>Формален</i>	<i>Конкретен</i>	<i>Потенциально множествен</i>
<i>Объективен</i>	<i>Субъективен</i>	<i>Не объективирован</i>
<i>Имеет системный характер</i>	<i>Асистемная организация</i>	<i>Сферически организован</i>
<i>Наличен</i>	<i>Ситуативен</i>	<i>Процессуален</i>
<i>Номинально ограничен</i>	<i>Образует единое целое мыслепотока</i>	<i>Стремится к формату проекции смысла</i>
<i>Имеет кодовый статус</i>	<i>Перспективно кодируется</i>	<i>Имеет знаковую природу</i>

Дискурсивная практика очерчивает условные границы, служащие контекстуальными ориентирами для читателя. Объективированная данность не в силах создать ретроспективное поле реципиента, но может изменить его воспринимающее сознание. Совокупностью семиотических систем, их реагированием на исторический факт и время обусловлено имманентное переживание дискурса. Внутренне он зависит от собственно речи, знака с его глубинно-возможным смыслом и *условным* рефлексом субъекта. Именно здесь дискурс становится смысловой инстанцией, которая может быть обозначена как эффект восприятия. Поглощённые процессом – автор текста и его воспринимающая оппозиция – проникают в замкнутый круг, движение по нему выдвигает их в дискурсивное существование. Дискурс текста считывается дискурсом

сознания как иерархия, включающая в себя различные единицы коммуникации. Металингвистический характер функционирования дискурса становится наиболее важным моментом для процесса порождения смысла, как такового. Кодический строй *всего*, как внешнего (трансцендентный уровень), так и внутреннего (имманентный предел), раздражает мыслительные рецепторы читателя. Главным событием текста становится не коллизия, факт, а эмоция, чувство, реакция на нечто присутствующее в нем и выходящее за его пределы.

Сознание воспринимающего текст перестраивается и структурируется по новым ориентирам, продиктованным текстом, подсказанным определенными опорами. Дискурсивная практика требует многократного прочтения/письма, и каждое повторное знакомство с внутренней сущностью и наличной структурой расценивается только лишь как ценностный опыт-эмоция с приращением к текстовому массиву, к смысловому полю, к акту *со-творчества*. Следовательно, дискурс надо понимать процессом создания текста и одновременно с этим формирования перспективного поля смыслов, условных и уловимых формул, воспроизводящим инвариантную структуру.

Смешение различных дискурсов и дискурсивных практик воплощает идею *интердискурсивности*, «которая является и признаком, и движущей силой культурного изменения» [Йоргенсен, Филлипс 2004: 214]. Интердискурсивность являет собой форму поликодовости текста, либо «взаимодействие различных дискурсов как системы когнитивных стратегий, операционных шагов, языковых единиц и структур, правил их использования и интерпретации» [Чернявская 2013: 230]. Такой тезис следует уточнить введением понятия уровня смысловой идентификации. Текстовый объем, создаваемый и формируемый автором, всё же индивидуален. Релевантная позиция в нем не должна претерпевать исчезновения/краха. Читательское ожидание идет не только путем следования за дискурсом, но ещё и за смысловой интенцией автора/ создателя. Интердискурс – «дискурсная почва, из которой вырастает любое высказывание» [Пьеге-Гро 2008: 71]. Утрачивая цельность образа создателя, текст теряет контуры эстетического фона, смысловой горизонт индивидуально. Эстетическая вневаядность, как отмечал М.М. Бахтин, есть вневаядность бытию, отсюда «бытие становится чистой феноменальностью» [Бахтин 2003: 260]. Текстовый фронт приобретает момент освобождения от будущего. Внутренние законы процесса письма совмещаются с общими принципами естественности жизни.

Смысл, таким образом, складывается из максимального разнообразия конфигураций текстовых фрагментов, их саморегулирования. Важным звеном в этой последовательности действий по выявлению смысла является не выход в свод потенциальных значений, а

детерминация последних, их условная конкретизация. Дискурсивные практики и текстовые комплексы приобретают определённые смыслы в ходе исторических закономерностей временного существования: «Текст обладает значением только в соответствии с условиями его производства, а также и в соответствии с условиями его толкования. Текст ... не формируется связующими его элементами» [Квадратура смысла 2002: 36]. Знаковый комплекс сознательно уклоняется от четкости смысла и, как следствие, вырабатывает поливалентную форму – *метадискурс*. Комбинаторная бесконечность становится общебытийной чертой дискурса, «не-высказанное, имплицитное является составным во всяком дискурсе» [Квадратура смысла 2002: 36]. Художественно-дискурсивная формация дает возможность смыслу не ограничиваться единственно верным значением высказывания, но, наоборот – делает выход в *метадискурс*, где смысл не задан, а создаётся на каждом последующем этапе чтения и фактически не может быть завершён.

Тексту в наличной, базовой форме своего существования принципиально важно иметь авторство; кодовый состав текста закладывается субъективной интенцией, реализация же текста в процессе восприятия будет зависеть от внешних факторов, сферически образующих контекст эпохи, состояние языка, знаковую миромодель. Переходное состояние текста (верификация дискурса) свидетельствует о стремлении реципиента преодолеть знак, сдвинуть знаковый комплекс в условно новую символическую точку. Неоднородность знака в практике письма/чтения подтверждается смысловым многообразием, динамикой смысла. Ситуация, когда человек начинает определять новый статус своего языка и говорить на ином/новом для себя языке, который он ещё не знает, либо *не понимает*, и есть неосознанное движение от текста к дискурсу, от смысловой точки (кодовый состав) к множественности парадигм (символическая сфера).

Таким образом, *текст* является фиксированной формой социально-исторической реальности, *дискурс* – центростремительным процессом формообразования, смыслопостроения. Первичными, значимыми импульсами создания эффекта динамики смысла в языковой среде (тексте) выступают индивидуальный стиль, сферический, концептуальный параллелизм, репрезентация. Диалогический характер и текста, и дискурса неоспорим. И все же, объективным моментом отображения реальной картины действительности, на наш взгляд, является не налично-знаковый комплекс (текстовая плоскость), который может быть зафиксирован как факт, но разверстка диалогического слова в симулятивной среде бытования. Системный характер языка организуют концептуальные представления о индивидуально-аксиологическом мире говорящего/слушающего, при этом проявляется характер данного механизма в

процессуальном, парадигматическом ключе. Текстовый объём порой не достаточен для принятия реципиентом трансцендентного, требуется обязательный рецептивный контрапункт, звучание которого следует понимать как рождение мысли/переживания.

Библиографический список

- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // *Лингвистический энциклопедический словарь*. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 615 с.
- Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашикова, 2004. – 512 с.
- Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч. В 7-ми т. Т.5. – М.: Русские словари, 1997. – С. 305-326.
- Бахтин М.М. Собр. соч. В 7-ми т. Т.2. Проблемы творчества Достоевского (1929). Статьи о Л.Толстом (1929). Записи курса лекций по истории русской литературы (1922-1927). – М.: Русские словари, 2000. – 798 с.
- Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. Т.1. Философская эстетика 1920-х гг. – М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2003. – 957 с.
- Безруков А.Н. Поэтика интертекстуальности. – Бирск: БирГСПА, 2005. – 70 с.
- Безруков А.Н. Метасемный статус художественного дискурса // *LINGUA MOBILIS*. Научный журнал. – № 2 (53). – 2015. – С. 7-13.
- Безруков А.Н. Рецепция художественного текста: функциональный подход / монография. – СПб.: Гиперион, 2015. – 298 с.
- Безруков А.Н. Эстетика воздействия текста на читательское сознание // *Вестник Димитровградского инженерно-технологического института*. – 2015. – № 1(6). – С. 181-188.
- Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / Пер. с франц. Л. Зиминой. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с.
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ., сост. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1984. – 312 с.
- Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. – М.: Академический Проект, 2007. – 495 с.
- Ильин И.П. Дискурс // *Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник*. – М.: Интрада – ИНИОН, 1996. – С. 45.
- Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филлипс / Пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
- Карасик В.Н. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 392 с.
- Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс» 2002. – 416 с.

- Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126-139.
- Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 656 с.
- Кубрякова Е.С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7-25.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. – Волгоград: Парадигма, 2004. – 507 с.
- Пастухов А.Г. Внешние и внутренние критерии функционально-стилистической дифференциации текстов // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 5. – Орел: ОГИИК, ПФ «Карпуш», 2007. – С. 84-96.
- Постмодернизм. Энциклопедия. Составители: А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
- Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. – СПб.: Невский Простор, 2001. – 416 с.
- Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. – 208 с.
- Ямпольский М.Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. – М.: РИК «Культура», 1993. – 464 с.

Andrey N. Bezrukov: The Differentiation of «Text» and «Discourse» from the Position of modern Linguistic Theory

Summary: The article is devoted to the differentiation of the terms "text" and "discourse". The main features of these categories are outlined. Discourse is interpreted as the process of text formation and establishment. Text is seen by the case of fixation of communicative dialogue.

Key words: text, discourse, writing, language, style, intertext, ontology of discourse, meta-discourse.